

посмотрѣть на слѣпного Сампсона. «Домъ же былъ полонъ мужчинъ и женщинъ, тамъ были все владѣльцы филистимскіе. И на кровлѣ было 3000 мужчинъ и женщинъ, смотрѣвшихъ на забавляющаго ихъ Сампсона». (Суд. 16, 27). Пророкъ Исаія, обращаясь къ Іерусалиму, вопрошаетъ: „Что съ тобою, что ты весь вышелъ на кровли, городъ шумный, волнующійся, городъ ликующій“. (Ис. 22, 2). Съ кровли, какъ возвышеннаго мѣста, дѣлались заявленія народу. Такъ съ кровли ограды храма въ каждую пятницу вечеромъ возвѣщалось трубнымъ звукомъ о наступленіи субботы. На кровлю входили евреи для молитвы. Такъ апостоль Павелъ молился въ Іоппіи на кровлѣ и здѣсь удостоился видѣнія плащаницы, спускающейся къ нему съ неба. „На другой день Петръ, около шестого часа, взшелъ на верхъ дома помолиться“ (Дѣян. 10, 9). На кровляхъ также устраивали евреи палашы во время праздника кушей и жили въ нихъ во дни этого праздника. Въ тѣ времена, когда евреи предавались идолопоклонству, они даже устраивали на кровляхъ алтари идоложертвенные.

(Д. слѣд. М. ра).

Поѣздка на Тверскіе церковно-археологическіе курсы (съ 28 мая по 8 іюня 1912 г.)

(Приложеніе къ лекціи проф. С. Θ. Платонова).

Сейчасъ Владыкой была указана цѣль настоящихъ курсовъ,—это облагородить наше отношеніе къ памятникамъ старины. Вамъ будутъ показаны образцы иконописи и русскаго зодчества, но не моя это задача. Моя задача гораздо скромнѣе: подготовить васъ къ пониманію этихъ памятниковъ. На послѣдующихъ лекціяхъ эти памятники будутъ демонстрироваться предъ вами рисунками храмовъ, особенно малороссійскихъ.

Моя роль—роль историка и цѣль моихъ бесѣдъ—создать настроеніе, способствующее пониманію нашей церковной старины и дать понятіе, что многое изъ древняго заслуживаетъ изученія и особеннаго вниманія.

Я желаю ознакомить васъ съ жизнью XVI и XVII в. великаго Московскаго государства.

Это государство—особая страна съ особеннымъ общественнымъ порядкомъ. Въ памятникахъ того времени такъ и пишется: Московскій князь—Московскія и Низовыя земли. Московская и Низовая земля и называлась Русью XVI вѣка.

Кто же были основатели низовыхъ земель?

Есть два предположенія: или съ юга ихъ заселили послѣ нашествія татаръ, или же ихъ заселила Москва. Но находимыя памятники старины указываютъ, что въ низовыя земли шли люди разныхъ русскихъ племенъ—кривичи, радомичи и др. Этотъ народъ представлялъ изъ себя текучую массу, которая лилась по краю по теченію рѣкъ и большихъ озеръ. Это замѣчается еще и теперь у насъ въ сѣв. губерніяхъ.

Когда славяне заселили Днѣпръ и настало мало-земелье, народная волна потянулась на сѣверо-востокъ и понесла сюда свое наслѣдіе. Садилась тамъ, гдѣ можно и нужно было пахать и отсюда уже распространялись по окрестнымъ пустымъ мѣстамъ. Когда страна достаточно заселилась, пришла власть. Случалось, что посланный чиновникъ открывалъ новый поселокъ, доносилъ объ этомъ Князю, а тотъ уже посылалъ писца «дозрити» и списать поселокъ. И онъ пишетъ писцовую книгу, начиная ее съ церкви, причта и его земли. «а населенія столько то, дворовъ въ селѣ или деревнѣ столько-то, при нихъ есть «починки» (т. е. начала селеній) и «пустоши» (т. е. брошенная паханная земля).—Вотъ обычное содержаніе писцовой книги. Послѣ этой работы книга приносилась князю и онъ опредѣлялъ сколько слѣдуетъ взять дани по сохамъ

Такимъ образомъ отношеніе князя къ населенію было чисто податное, т. е., собраніе повинностей, а управлялась община черезъ старосту сама собою: „и судятся они сами по себѣ передъ людьми добрыми—при свидѣтели“. Для сбора податей волостью выбирались староста и цѣловальникъ—его помошникъ, цѣловавшій на правдѣ крестъ. Они раскладывали подать при выборныхъ людяхъ—«по алтыну, по 2, по 3—по силѣ каждаго», а бѣдные освобождались совсѣмъ. Старость и цѣловальнику князьи дьяки помогали переписывать. Дань привозилъ староста къ князю и обычно на Петровъ день. Такимъ образомъ новая область являлась первоначально

только доходной статьей для князя. И только, когда они, т. е., староста и цѣловальникъ, не сумѣютъ сами разобраться, тогда посылаютъ къ князю. — Князю совершенно нѣтъ дѣла кто садился въ волость, это уже дѣло старосты. Прикрѣпленія къ мѣсту не было и каждый садился гдѣ хотѣлъ.

При увеличеніи населенія и исправности платежей князь посылалъ опять „обзрити“ и опять дѣлалась новая перепись и новая подать—«тягло» на нѣсколько лѣтъ. Далѣе князю важно было имѣть людей для своего хозяйства и обороны,—тогда онъ поступалъ такъ: принималъ къ себѣ въ крѣпость—«закрѣпощалъ» людей въ рабы—«холопы» и служилыхъ людей „челядинцевъ“. Съ ними онъ распорядился какъ съ своимъ рабочимъ скотомъ. Они должны были работать на князя и воевать вмѣстѣ съ нимъ. Въ XV в. власть господина надъ холопами и челядью была безгранична, суду гражданскому даже и убіеніе холопа не подлежало, а считалось только за «грѣхъ церковный».

Но въ рабство шли только слабые, а люди покрѣпче не желали продаваться совсѣмъ, и нанимались по условію. Иванъ Калита пишетъ объ этомъ въ своемъ завѣщаніи: «а что купилъ, то село за нимъ и Бориска обязанъ за это служить, а то землю отнимуть»... Такіе люди «по условію» назывались—«слуги поддворскіе». Вотъ начало помѣщиковъ, которые за землю обязаны были служить князю «полнолюдно, поконно и оружно: князь на конь и онъ на конь». Эти люди были лично свободны, но зависимы отъ князя матеріально—по землѣ.

Съ особо сильными изъ нихъ—„боярами“ князь заключалъ условіе съ правомъ предварительнаго совѣта. Эти послѣдніе имѣли право ухода отъ князя къ другому, но при этомъ сохраняли свои права на землю и у перваго князя. Черезъ это выходила чрезвычайная путаница въ ихъ отношеніяхъ, напр. по службѣ онъ долженъ былъ давать людей другому князю и идти войной съ нимъ на князя, гдѣ была его земля.

Изъ этихъ трехъ родовъ къ нынѣшнему податному сословію ближе всѣхъ подходятъ „слуги поддворскіе“, прикрѣпленные къ землѣ.—Государственнаго подданства въ сѣверной Руси тогда не было, а было только частное. Князья считали землю своей и называли ее «вотчиной» Князь—собственникъ земли есть въ то же время и князь людей, т. е. имѣлъ право собирать съ нихъ подать.

Таковъ былъ удѣльный періодъ.

На этомъ-то жидкомъ и текучемъ обществѣ и должна была родиться крѣпкая власть. До Куликовской битвы всѣ пріобрѣтенія у князя были „примысломъ“ — пріобрѣтениемъ: и земля, и люди и вещи, а съ Куликовской битвы случилось то, что заставило русскихъ людей объединиться между собою. И это будетъ предметомъ нашей слѣдующей бесѣды.

Свящ. В. Палимпсестовъ.

Случайная бесѣда съ аѳонскимъ монахомъ имябожникомъ.

Послѣ высылки съ Аѳонской горы изъ русскихъ монастырей упорныхъ и непокорившихся православной Русской церкви монаховъ имябожниковъ въ числѣ болѣе 600 человекъ они разбрелись по всей матушкѣ Руси на старыя свои мѣста жительства—въ города, села и деревни. Одинъ изъ такихъ аѳонскихъ монаховъ проѣздомъ въ свое родное село Давыдовку, Царицынскаго уѣзда, остановился въ Дубовкѣ.

Здѣсь онъ случайно встрѣтился съ моимъ церковнымъ сторожемъ, тоже Давыдовскимъ крестьяниномъ, который и пригласилъ его къ себѣ на чай въ церковную сторожку. Время было предъ вечерней въ воскресный день, недѣли три тому назадъ.

Какъ только разговоръ у нихъ коснулся причинъ выселенія монаховъ съ Аѳона, монахъ попросилъ своего земляка-сторожа передать мнѣ его желаніе побесѣдовать со мной; но при этомъ замѣтилъ, какъ мнѣ потомъ говорилъ сторожъ, что если вашъ батюшка академикъ, то съ нимъ еще можно-бы побесѣдовать, а если изъ семинаріи, то пожалуй ничего не выйдетъ.

Сторожъ тотчасъ же сообщилъ мнѣ о своемъ гостѣ и о своемъ разговорѣ съ нимъ.

„Если онъ желаетъ со мной побесѣдовать, то пусть придетъ къ вечернѣ, сказалъ я, послѣ которой я съ нимъ и побесѣдую въ храмѣ.“

Къ вечернѣ онъ не пришелъ и я уже сталъ жалѣть о томъ, что упустилъ случай познакомиться съ учениемъ имябожниковъ непосредственно отъ нихъ самихъ.

Послѣ вечерни узнаю, что монахъ-аѳонецъ остановился около моей квартиры на постояломъ дворѣ, куда направились, какъ я видѣлъ, поговорить съ нимъ сторожъ и помощникъ нашего церковнаго старосты. Когда они прошли во дворъ, я тотчасъ же собрался и пошелъ вслѣдъ за ними. Во дворѣ я увидѣлъ группу людей около 6—7 человекъ сидящихъ на бревнахъ около монаха и о чемъ то разговаривающихъ.

Подходя къ группѣ и привѣтствуя собраніе миромъ, я просилъ ихъ принять меня въ ихъ бесѣду, на что они и въ частности монахъ-аѳонецъ отвѣтили согласіемъ.